

Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым*

В. М. Бухаров¹, О. В. Байкова², О. Н. Обухова³

¹доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: vbuharov@hse.ru

²доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

³кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: Obuchova.75@mail.ru

Аннотация. В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется не только вопросам функционирования языков больших лингвосоциумов, но и наблюдается обращение к языкам и диалектам малых народностей, что связано с озабоченностью их возможной утраты в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию.

В настоящей работе впервые описывается языковое сообщество немцев Крыма, которое также подвергалось языковой ассимиляции. Изучение языковой ситуации в Крыму свидетельствует о том, что уцелевшие потомки крымских немцев ради самосохранения фактически утратили свою немецкую идентичность и практически ассимилировались в южнороссийский этнос. Попытки поддержания немецких этнических традиций и обычаев еще не являются свидетельством существования языка как функционирующего средства коммуникации. Для доказательства этого обстоятельства требуется более широкое документирование истории и сведений о немецком языке этого региона, пока для этого еще существуют возможности. Таким образом, целью данной работы является анализ немецкой языковой идентичности с точки зрения исследования лингвокультурных маркеров, а именно истории этноса, вопросов вероисповедания, культуры и сферы использования родного языка.

Необходимо отметить, что детальное исследование немецких колоний Крыма началось по инициативе профессора В. М. Жирмунского в 1920-х годах XX века. Все процессы развития немецкого языка как средства общения немецкого населения в СССР и изучение этих процессов прервались в конце 30-х годов прошлого века в связи с принудительным переселением крымских немцев в спецпоселения трудармии. Все это разрывало межличностные, семейные, хозяйственные, культурные связи. В результате образование и культура были разрушены. На их место пришла религия как компенсация культурно-образовательных ценностей. Все это имело следствием сохранение старшим поколением единственного культурного наследия – фольклора в виде народных песен, сказок, стихов.

Однако после потрясений XX-го века систематизация культурного наследия немцев Крыма является важной, но трудно выполнимой задачей. До 90-х годов прошлого столетия культура немецких переселенцев не была даже представлена в этнографическом музее народов Крыма. Для восполнения этого пробела требуется не только сбор сохранившихся артефактов, но и их реконструкция на основе имеющихся лингвистических данных, прежде всего, с помощью результатов диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского.

Данная статья может быть интересна исследователям в области социолингвистики, немецкой островной диалектологии.

Ключевые слова: немецкие колонии в Крыму, вероисповедание, школа, культура, язык.

Островные диалекты в полицентрических языках

В современных лингвистических исследованиях пристальное внимание уделяется не только вопросам функционирования языков больших лингвосоциумов. Наряду с этим наблюдается обращение к языкам и диалектам малых народностей, что связано с озабоченностью

* Статья печатается при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00015а «Система этнокультурных маркеров в традиционных культурах малых народов Крыма»

© Бухаров В. М., Байкова О. В., Обухова О. Н., 2019

их возможной утратой в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию. Следствием этого давления является уход местных языков из многих сфер общения, прежде всего официальных, таких как политика, образование, наука, СМИ и др. Функциональная ограниченность языков может привести к их полному вытеснению и отмиранию. Умирающие языки начинают все меньше использоваться внутри языкового сообщества, а их функции переходят к другим, доминирующим в регионе языкам. Сфера употребления умирающего языка может сократиться до одной единственной, как, например, Гезз (ge'ez) – древний семитский язык, употреблявшийся в Эфиопии, сохранился там только как литургический язык эфиопских христиан [5].

Отмирание языков малых народов может иметь не только лингвистические, но и геополитические последствия и привлекает поэтому внимание и лингвистов, и политиков. В качестве примера можно привести исследовательский проект ЮНЕСКО, посвященный критериям, определяющим статус малых языков и перспективы их выживания [4; 21]. Функционирование языков малых народов или *малых языков* ограничено узкими рамками исторически закрепленной за ними территории распространения, как в случае, например, с языками народов Северного Кавказа, Полинезии и т. п. Для таких языков характерно сужение функциональной сферы, поскольку они не могут обслуживать потребности коммуникации, выходящие за пределы ограниченного региона. Общую тенденцию их развития можно обозначить одним словом – угасание, о чем свидетельствуют данные статистики ЮНЕСКО.

Немецкий язык тем не менее остается общепризнанным примером полицентрического языка, центры которого сформировались, однако, в том виде, как они существуют сейчас не вследствие его перенесения в другие регионы, а на основе сближения многочисленных системно гетерогенных диалектов. Структурирование диалектных центров шло параллельно с государственным строительством и в силу большой раздробленности не завершилось созданием единого языка как языка единой нации. Неслучайно это отражается и в названии языка *Deutsch*, т. е. народный язык (*diutisca zunga*) без указания на название народа или территории распространения (*русский, японский, новозеландский* и т. п.). Формирование языковых центров шло как вокруг столиц княжеств, так и в торгово-промышленных регионах, таких как, например, Лейпциг. Создание национальных государств (Германии, Австрии, Швейцарии), а также вхождение отдельных территорий в другие государства, например, Люксембург, привело к формированию вариантов немецкого языка, получивших название национальных [см., например, 8]. Основным свойством полицентрических языков является то обстоятельство, что они выполняют все коммуникативные функции во всех сферах общения в местах своего распространения.

Традиционно описываемые национальные варианты немецкого языка не являются, однако, структурно однородными, имеющими одинаковую значимость на соответствующей территории распространения. Их можно рассматривать как субстандарты с региональным дроблением. Региональный характер таких языковых форм связан с тем, что в национальных государствах сохраняются как фактические наблюдаемые языковые различия, образующие «региональные языки» (*regionale Sprachen*), так и ментальные представления об их границах в сознании населения (*mentale Dialekte*) [19]. В основе региональных языков лежат исторические диалектные области нижне-, средне- и верхненемецких диалектов, и поэтому границы региональных языков, особенно в пограничных частях Баварии, Австрии и Швейцарии, могут не совпадать с государственными.

Важной особенностью немецкого языка являются формы языка за пределами европейского ареала, как их называют языковые или чаще – диалектные острова. Их появление не связано с развитием государственности титульной нации какой-либо территории. Они появились либо в связи с военными действиями, либо по причине экономических переселений различных групп населения. Наиболее ярким примером таких диалектных островов являются немецкие диалекты в восточной Европе и Азии. Германия периода начала массовой волны переселения в Россию во время царствования Екатерины II была в лингвистическом отношении невероятно раздробленной, и поэтому носители далеких друг от друга в языковом отношении диалектов могли оказаться рядом на одной или смежных территориях. Переселенцы руководствовались при выборе места поселения не диалектом соседей, а хозяйственными интересами. В результате на территориях, заселяемых немецкими переселенцами, начинался сложный процесс установления контактов языков и культур: во-первых, это интернемецкие междиалектные контакты, во-вторых, контакты немецкого и русского населения – основного

населения России в большинстве мест расселения немецких колонистов и, наконец, в ряде регионов контакты с малыми народами, проживающими там вместе с русскими. Контакты народов – это, прежде всего, контакты культур, самобытность которых, как известно, отражается в языке, а это свидетельствует о важной значимости этнокультурных фактов для изучения языков в условиях полиязычного сообщества, включающего в себя диалектные и/или языковые острова.

Изучение немецких островных диалектов имеет давнюю традицию. Объектом изучения являлись исторические места поселений немцев, прежде всего на юго-западе Украины, в Крыму и в Поволжье. Итогом этого можно считать становление российской (советской) школы диалектологии, заслуга создания которой принадлежит, прежде всего, В. М. Жирмунскому. Следующая волна научного интереса к судьбе немецких диалектных островов связана с изучением их состояния и функционирования после депортации во время Второй мировой войны в Сибирь и Казахстан и некоторые другие регионы на востоке страны. Особое место в этом ряду занимают диалекты немецких поселенцев в Кировской области, которые пережили двойное переселение: депортацию из мест постоянного проживания, а затем вторичное переселение для работы в так называемой «трудармии» на лесоповале в Вятке [подробнее см. 4].

Меньше описано стоящее особняком языковое сообщество немцев Крыма. Оно также подвергалось ассимиляции, пережило репрессии, депортации во время Второй мировой войны, изменения государственной принадлежности и социального строя. На сегодняшний день неясен сам факт существования языкового сообщества немцев Крыма, а следовательно, и их языка, согласно критериям ЮНЕСКО.

Рассмотрение языковой ситуации в Крыму свидетельствует о том, что уцелевшие потомки крымских немцев ради самосохранения фактически утратили свою немецкую идентичность и практически ассимилировались в южнороссийский этнос. Попытки поддержания немецких этнических традиций и обычаев еще не являются свидетельством существования языка как функционирующего средства коммуникации. Для доказательства этого обстоятельства требуется более широкое документирование истории и сведений о немецком языке этого региона, пока для этого еще существуют возможности. В основе решения статуса языка или диалекта должны находиться факты его функционирования и связанные с этим обстоятельства, другими словами – этнокультурные маркеры языковой общности. К ним можно отнести историю этноса или его части, вопросы вероисповедания, культуры и сферы использования языка.

История распространения немецкого языка в Крыму

Свою историю немецкие поселенцы в России ведут с середины X века н. э., когда княгиня Ольга (945–964) пыталась наладить дипломатические отношения с Оттоном Великим (912–973). В 957 году княгиня посетила Константинополь, где приняла христианство, а позднее, через два года, попросила германского короля Оттона Великого о направлении в Киев христианских миссионеров. По указанию короля монах Адальберт из монастыря святого Максимилиана в Трире был возведен в сан «епископа русских» [7, с. 13]. Впоследствии князь Ярослав Мудрый (1010–1034) налаживал тесные связи с немецкими высокопоставленными домами для того, чтобы найти своим сыновьям богатых немецких невест [20, с. 27]. В годы правления Ивана III (1462–1505) число немцев, переселившихся в Россию, значительно увеличилось. Многие из них благодаря знанию военного искусства, секретов личных ремесел помогали русскому народу в подготовке и избавлении от татаро-монгольского ига.

По свидетельству Н. М. Карамзина, агенты Петра I (1689–1725) разъезжали по всей Европе и приглашали на российскую службу военных и моряков, корабелов и гидротехников, инженеров, строителей, архитекторов. Чтобы сделать эти приглашения более привлекательными, Петр I своим манифестом от 16 апреля 1702 года среди прочего гарантировал иностранцам свободу совести и вероисповедания. Им давалось право публично проводить богослужения со всеми таинствами и обрядами и строить собственные церкви [7, с. 24].

Первыми представителями германских племен в Крыму были готы, переселившиеся сюда еще в III веке. Однако они смешались с крымскими народами и потеряли свои национальные особенности [20, с. 35–39]. Лишь спустя полторы тысячи лет началась волна переселения немцев в Крым.

Основной приток иностранцев в Россию, в том числе и в Крым, начался во время правления Екатерины II. 8 апреля 1783 года Европа была уведомлена о подписании Императрицей Екатериной II манифеста «О принятии полуострова Крымского, полуострова Тамани и всей

кубанской стороны под свою державу». 20 февраля 1804 года правительство издало манифест, который предусматривал переселение «...исключительно хороших земледельцев, скотоводов, садоводов, а равно мастеровых, полезных и сельскому быту, если каждый из них имеет в наличном капитале или в товарах не менее 300 гульденов» [7, с. 24].

После победы над Турцией, а также присоединения Северного Причерноморья и Крыма России нужны были новые колонисты для освоения этих обширных, малозаселенных территорий. Большое значение немецкой колонизации этих территорий, получивших название Новороссии, имела деятельность князя Г. А. Потемкина. В 1786 году он направил в германские государства специального уполномоченного российского правительства Георга Траппе как агента по вербовке колонистов в Новороссийский край. Колонизация конца XVIII – начала XIX века стимулировала приток на эти территории немецких и меннонитских переселенцев и появление там их земледельческих колоний. Обустроившись на новых землях, приняв гражданство Российской империи, переселенцы становились составной частью местного населения. С 1787 года начинается переселение в эти места меннонитов из окрестностей Данцига и других регионов Германии, непрерывно продолжавшееся в течение 30 лет. Документально переселение меннонитов в Россию было оформлено губернатором Новороссии князем Г. А. Потемкиным в 1787 году. Он руководил быстрым и успешным заселением Новороссии и Крыма, где возникло много важных городов и портов: Херсон, Екатеринослав, Николаев, Симферополь, Севастополь и др., а также множество селений, куда приглашались колонисты. Всем колониям был отведен в «вечное пользование» надел земли, величина которого составляла от 30 до 65 десятин на каждое семейство [7].

Переселившись в Крым, немцы внесли большой вклад в развитие сельского хозяйства края. За основу хозяйствования ими была взята система, распространенная в Германии, а затем приспособленная к местным условиям. Существенная роль в ней отводилась животноводству, виноградарству и виноделию, а также развитию перерабатывающей промышленности. Наряду с мукомольной, кожевенной, деревообрабатывающей, пищевой и другими видами промышленности важное место заняло производство сельскохозяйственной техники (завод «Лепп и Вальман»). Таким образом, надежды правительства России на немцев в области «улучшения экономики края» были оправданы.

Первые семь немецких колоний были официально зарегистрированы в 1805 г., три из них располагались в Симферопольском и четыре – в Феодосийском уездах. Предки крымских немцев были выходцами из разных земель Германии: Вюртемберга, Бадена, Нассау, Пфальца, Швабии, Эльзаса, Баварии, а также из Швейцарии и Австрии. Это были в основном люди, достигшие высокого положения: инженеры и математики, торговцы и гувернеры, миссионеры и офицеры, сыровары и часовщики. Во времена царствования императора Александра I по его приглашению в Крым прибыли 50 семей из немецкой Швейцарии (кантона Цюрих). Это были уже в основном обедневшие крестьяне и ремесленники, пострадавшие от экономического кризиса в Европе, а также не желавшие сражаться в армии Наполеона. В 1804–1805 годах переселенцы из Цюрихского кантона Швейцарии, Вюртемберга и Бадена образовали колонии в Судаке, Отузах (ныне поселок Щебетовка Феодосийского района), Цюрихталь (ныне село Золотое поле Кировского района), Гейльбрун (ныне село Приветное Кировского района), Герценберг (ныне село Пионерское Феодосийского района), Фриденталь (ныне село Курортное Белогорского района), Нейзац (ныне село Красногорское Белогорского района), Розенталь (ныне село Ароматное Белогорского района). В 1811 году была основана колония Кроненталь (ныне село Кольчугино Симферопольского района). По данным 1824 года в этих колониях проживали 1630 человек. Это были так называемые «материнские колонии», выходцы из которых впоследствии стали переселяться в другие населенные пункты или основывать новые «дочерние колонии». Немецкие поселенцы селились также в крупных городах Крыма, где занимались ремесленным производством и торговлей. В 1865 г. этнические немцы проживали уже в 45 населенных пунктах. По данным переписи населения 1897 г. их численность составляла 31 950 человек [см. материалы 16, с. 333–335].

По наблюдениям путешественников той поры, селения немцев один в один напоминали деревни, расположенные по берегам Рейна, и очень сильно отличались от других крымских деревень зажиточностью, благоустроенностью и аккуратностью. В домах – чистота, опрятность, типичное для немецких сельских жилищ разнообразие мебели и нередко наличие музыкальных инструментов.

XX-е столетие – это, прежде всего, Первая и Вторая мировые войны, революция и гражданская война. Все это принесло с собой большие проблемы в жизнь немецкой общины в

Крыму. Войны были связаны с исторической родиной крымских немцев, и поэтому политиками им отводилась роль форпоста или пятой колонны Германии. Российская Государственная дума призывала в 1914 году смотреть на немецкое население как на верноподданных государства, что они и подтверждали как на полях сражений, так и в тылу, оказывая помощь русской армии. Однако в то же время готовился Закон о землепользовании и, в частности, о «Ликвидации немецкого землепользования в России». Закон вступил в действие в 1915 году, и это положило начало процессу ликвидации немецкого этноса в Крыму.

Революция 1917 года, гражданская война и особенно принудительная коллективизация, которая приравнивала зажиточных крестьян – большинство немецкого населения – к классу эксплуататоров, то есть фактически приговорила их к уничтожению. Этот процесс принял катастрофические размеры в сороковые годы вместе с началом Второй мировой войны.

Роль церкви в объединении переселенцев и их диалектов

Вопрос вероисповедания является исключительно важным для развития многонациональных сообществ, особенно если они формируются на территории с исторической религиозной доминантой. В случае Крыма исторические местные религии – это православие русского населения и ислам крымских татар. Основные религиозные контакты немецких колонистов были с христианским православным населением, религиозно-культурные модели которых во многом совпадали и были им близки. Небольшая часть немецких переселенцев была католической, но в большинстве случаев они были протестантами. Это обстоятельство имеет, кроме всего прочего, важное лингвистическое значение, поскольку протестантская церковь практиковала богослужение на немецком языке и дополняла тем самым деятельность школы по распространению наддиалектных форм языка.

Несмотря на существенные этнические различия, особенно с крымскотатарским населением, каких-либо проблем национального характера в Крыму не наблюдалось, потому что отсутствовала главная причина таких проблем – экспансия культуры переселенцев. Свидетельством этому является то обстоятельство, что история контактов немецких колоний и соседствовавших с ними поселений других народов не знает конфликтов на этнической почве. Длительное соседство русских и немецких переселенцев обусловило становление межкультурной общности, целью которой было сохранение этнического самосознания на фоне интенсивного хозяйственного и бытового сосуществования.

Не следует, однако, преувеличивать роль вероисповедания в формировании немецкой общины в Крыму как части единого этноса. Довольно большую группу немецких колонистов в Новороссии, в том числе и в Таврической губернии составляли меннониты, переехавшие сюда с первыми переселенцами. Они не поддерживали отношений с другими поселенцами именно из религиозных убеждений.

Не было единства и в среде самих меннонитов, секта которых возникла в Нидерландах. У истоков ее стоял Менно Симон. Меннониты отрицали необходимость государства. Обряд крещения они совершали только над взрослыми, истинно, с их точки зрения, верующими. Культовые обряды меннонитов носили упрощенный характер. Храмы у них заменяли молитвенные дома с обширными помещениями без всякого убранства. Духовные старшины и проповедники исполняли свои обязанности безвозмездно. Вскоре после своего возникновения секта меннонитов разделилась на два толка: фрисландский и фламандский. Отличия между ними были незначительными. После переселения на юг России и в Крым среди меннонитов возникло еще несколько толков. Наиболее значительными из них были вюстизм и гюпферство.

Основателем первого толка был бывший лютеранский пастор Эдуард Вюст, который создал сепаратистскую общину. На основе вюстизма возникло гюпферство. Его представители считали проповедь своего учения святым душеспасительным делом. Гюпферы отвергали духовное общение не только с неверующими, но и с теми, кого считали согрешившими и нераскаявшимися. В отличие от других течений гюпферы проводили ночные моления, заканчивавшиеся шумным весельем, плясками, пением. Они пропагандировали свое учение среди окрестного населения, старались приобщить к нему православных.

Иногда гюпферов безосновательно обвиняли в крайнем фанатизме, доходившем до наказания смертью за малейшие прегрешения. Приписывали им и стремление к общественной собственности на имущество и к многоженству. Сами гюпферы против подобных обвинений возражали. Важной чертой их учения была обязательная помощь бедным и неимущим.

От секты меннонитов в Крыму в 1882 г. отделились лица, которые называли себя последователями истинной христианской веры – апостольские христиане. Основоположником

этого толка был Герман Петерс. Последователи этой секты, по утверждению ее основателя, подчинялись только «святой воле спасителя». Однако было это не совсем так: Герман Петерс предписал им также повиноваться начальству, якобы установленному самим богом, и всем его распоряжениям. Тем не менее крымские апостольские христиане в 1894 г. отказались присягнуть новому царю – Николаю II, нарушив тем самым заповедь Германа Петерса. В связи с этим местными властями было проведено расследование.

Апостольским христианам запрещалось занимать любые административные должности, предписывалось вести безукоризненный в нравственном отношении образ жизни. Последователи Германа Петерса безропотно, как наказание от бога, воспринимали и прощали все нанесенные им обиды. Доходило до того, что они даже не защищали свою жизнь от разбойников, а свое имущество от грабителей.

Апостольских христиан среди крымских немцев было сравнительно немного. В 1894 г. в Перекопском уезде, в селении Темир-Булат, их насчитывалось всего 17 семей. 12 последователей Германа Петерса жили в Евпаторийском уезде. Они гордились тем, что им удалось приобщиться к своему учению крестьянку-украинку.

В России меннониты получили освобождение от воинской службы, поскольку это противоречило их вере, и после того, как в 1874 году они были лишены этого права, почти все эмигрировали в Америку. Из одной только Таврической губернии выехали свыше 900 семей меннонитов. В августе 1911 г. состоялся съезд меннонитов Таврической губернии, в работе которого участвовало 147 делегатов от 41 крымской общины. На съезде были рассмотрены вопросы о меннонитских общинах, о немецких училищах, о препятствиях к вступлению в брак, о направлении меннонитов за границу для получения церковного образования, о содействии британскому обществу меннонитов [12]. То есть это были те же проблемы, что и в раннем периоде заселения Крыма немцами: разобщенность общин на почве раскола верования, препятствие бракам с «иноверцами», стремление к установлению связей с единомышленниками за рубежом, а не с окружающим населением. Таким образом, церковь и разобщенность вероисповедания немецких переселенцев вряд ли имели особое значение для сплочения немецкой этнической общности в Крыму, как это было с православием в России.

Школа как условие сохранения языка

Из истории немецкого языка известно, что школа и образование наряду с другими социально-экономическими факторами явились импульсом для запуска процессов сближения диалектов и становления норм немецкого языка как языка надрегионального общения. Основная часть немецких переселенцев приехала в Россию в XVIII – начале XIX века, т. е. в период активного формирования национальных вариантов немецкого языка у себя на родине. Однако жизнь крестьян, которые составляли основную массу переселенцев, проходила в регионах с их диалектами, в которых наддиалектные формы языка еще только начинали проникать в деревни, тем более что церковь не была единой и не везде способствовала этому процессу. Переселение в Россию происходило группами крестьян из разных диалектных регионов, что само по себе воздвигало те или иные барьеры для общения, к которым прибавлялись сложности коммуникации в иноязычном окружении. В Крыму это был не только русский, но и крымскотатарский язык. Переселенцы ощущали потребность в сохранении родного языка, что стимулировало развитие школьного образования.

Уже в начале XIX-го века в немецких колониях существовали национальные немецкие школы и училища, которые были хорошо материально обеспечены. Преподаватели стремились сохранить национальный язык и культуру. Среди колонистов почти не было неграмотных. Практически каждый поселок имел собственную общественную школу, которая содержалась на средства сельского общества. Школы имели церковно-религиозный характер и часто совмещались с молитвенными домами, что соответствовало немецкой традиции создания школ в XVIII веке при церквях и монастырях. Учились не только мальчики, но и девочки, которые в конце XIX века составляли почти половину всех учащихся. Обязательными для изучения были русский язык, русская литература и история. Это обстоятельство определялось необходимостью установления контакта и адаптации с русскоязычным окружением как в быту, так и в сфере официального общения.

Преобразования, произошедшие в конце XIX – начале XX в. в школах немецких поселений, не изменили их религиозной направленности. Преобладали начальные школы, в которых дети получали элементарное образование. Были также училища, где готовились преподаватели для начальных школ и писари. Так, например, в 1877 году в Крыму, в Симферополь-

ском уезде, открылось Нейзацкое центральное училище по подготовке учителей начальных классов для немецких колоний и сельских писарей, знающих русский язык [12]. В этих школах и училищах обучались только немцы, поскольку немецкий язык был одним из языков обучения, а не иностранным языком как учебным предметом. Известный статистик К. А. Вернер отмечал, что наибольший процент учащихся Крыма приходился на волости с немецким поселением. Они составляли от 20% до трети всех обучающихся [6, с. 66–67]. Половина немецких мужчин и треть женщин умели писать и читать по-русски, что было обусловлено спецификой жизни в рамках языковых островов и системой образования. Немецкое население выписывало до Первой мировой войны немало различных газет и журналов, преимущественно из Германии. Таким образом, в Крыму до начала XX-го века были все условия для сохранения немецкого языка как средства коммуникации и передачи его новому поколению.

Современная ситуация с немецким языком в школах Крыма и других немецких диалектных островах существенно отличается от той, что была до сороковых годов прошлого столетия. В соответствии с Федеральным законом «О языках народов российской федерации» ФЗ N 1807-1 государство обязано создавать условия «для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами» [17, ст. 6; см. также 18]. Однако действие этой статьи распространяется фактически только на коренное население с распространенными языками, которое проживает достаточно плотно на определенных административных территориях. В ряде случаев преподавание организуется на родном языке за пределами административного образования, например, татарском или башкирском, мордовском и некоторых других языках. Около 50 языков изучаются в РФ в качестве учебных предметов, но редко в выпускных классах.

Немецкий язык больше не является языком обучения в бывших и настоящих регионах распространения немецкого языка (диалектов), там, где они еще сохранились. Как учебный предмет он остался в России лишь в небольшом количестве школ с углубленным преподаванием ряда дисциплин, чаще всего не во всех классах, а лишь в дополнение к английскому языку или как второй иностранный. Видимо, организаторы образования и учителя немецкого языка уже не ожидают изменения в системе преподавания иностранных языков и выдвинули обращение к родителям учеников: выбирайте немецкий – первый второй язык! Дополнительной возможностью изучения немецкого языка являются различные платные школы и курсы. Естественно, сложившаяся ситуация не способствует сохранению немецкого языка этнических немцев в России и передаче его от поколения к поколению. В лучшем случае это возможность для желающих соприкоснуться с немецким языком. Возможность использования немецкоязычных сайтов интернета не меняет ситуацию. Чтобы пользоваться этими сайтами, необходимо знание и владение немецким языком – получается замкнутый круг. Немецкоязычным интернетом пользуются те, кто профессионально владеет немецким языком, а это не обязательно этнические немцы. Даже сайт общественной организации Региональной немецкой национально-культурной автономии Республики Крым «Видергебурт» оформляется на русском языке за исключением отдельных редких перепечаток из немецкой прессы. Мы специально сохранили оригинальный вариант транслитерации названия сайта «Возрождение» на немецкий язык – <http://deutsche-krim.ru>.

Культурные традиции в условиях языкового острова

Культура, вне всякого сомнения, является одним из важнейших параметров этнической идентичности. Сохранение культурных традиций предполагает сохранение языка, пусть даже в ограниченных функциональных рамках. Однако сужение сфер использования языка, особенно в условиях смешения различных народов, как это наблюдается в языковых или диалектных островах, приводит к тому, что культура во многих случаях сводится к фольклору, предназначенному по большей части к презентации факта существования народа. Литература и СМИ на родном языке как главные трансляторы культуры при этом не развиваются, а сами языки становятся «символической ценностью». Это говорит о том, что языки и культуры это две стороны одной лингвокультурной сущности. Нарушение любой из них ведет к угасанию другой. Такой вывод напрашивается при рассмотрении работ, посвященных возникновению языка этноса. Это положение заложено и в основу так называемой кросс- или межкультурной коммуникации: без понимания культуры, традиций, обычаев другого народа полноценное общение невозможно, равно как и понимание иной культуры невозможно без знания языка. Это хорошо просматривается в функционировании языка переселенцев в рамках языкового острова. При этом пе-

ред жителями такого острова стоят как минимум две задачи: овладеть языком и принять культуру окружения, с одной стороны, и с другой – не потерять себя.

История приводит массу примеров растворения языков и культур под влиянием завоевателей, а иногда и наоборот, как это было, например, с германцами в конце V – начале VI вв. в северной Галлии, от языка которых сохранилось лишь название нового образования *Frankenrihi* (*Frankreich*) – королевство франков. Жители немецких языковых островов, попав в иноязыковое и инокультурное окружение, были вынуждены уделять особое внимание образованию на родном языке, своей религии и культуре, чтобы не раствориться в окружении, особенно на этапе первичного переселения из-за отсутствия связи с исторической родиной. Это им успешно удавалось до 30-х годов прошлого столетия.

Советская власть в первые годы своего существования не препятствовала культурной и, отчасти, административной автономии. В Республике немцев Поволжья издавались на немецком языке газеты, было радио, работал немецкий театр, но все это осложнилось и прекратилось в связи с началом процесса так называемой интернационализации. Из библиотек, собиравшихся многие десятилетия, была изъята художественная, сельскохозяйственная, религиозная и другая литература на немецком языке, уничтожалась письменная память народа. В 1937 г. были закрыты немецкие школы в Крыму. Борьба с религией привела к тому, что приходы Нейзацкий, Цюрихтальский, Нейманский, Бютенский и Джемелский были национализированы. Молитвенные дома закрывались, запрещалось проводить богослужения. В них разместились ревкомы, избы-читальни и клубы. Оставшиеся передавались немецким общинам в аренду, хотя были построены на средства колонистов. Значительная часть колонистов лишилась избирательного права. В 1929–1930 гг. Крымиздатом было издано на немецком языке 4 наименования книг, на крымскотатарском – 168, на крымчакском – 4, греческом – 1.

Язык как связующее звено этноса

Этническое самосознание обеспечивается, прежде всего, широким функциональным спектром использования родного языка, сохранение которого является одной из важнейших задач полинационального общества, возникшего в результате смешения коренного населения – русского и крымско-татарского – и переселенцев из Германии и других стран немецкоязычного ареала.

Термин «язык» применительно к речи крымско-немецких колонистов употребляется скорее в бытовом, чем в лингвистическом значении. С точки зрения истории немецкого языка начало массового переселения – вторая половина XVIII-го века – приходится на период становления грамматических норм, имеющих общенациональную значимость. Однако этот процесс идет неравномерно в разных регионах немецкого ареала и касается, прежде всего, сферы литературы, науки и культуры. Он не затрагивает широких масс населения, особенно сельского, общение которых осуществляется на основе диалектов. Нормализация и стандартизация произношения еще больше века будет отсутствовать. С учетом этого под языком немецких колонистов Крыма следует понимать диалекты в устной форме, которые были средством общения на исторической родине.

Диалектами колонисты пользовались в ежедневном общении с семьей и односельчанами. Каждая колония говорила преимущественно на диалекте, вывезенном из Германии, однако в зависимости от условий расселения обнаруживалась большая пестрота в распространении диалектов: в одном селе, например, мог быть представлен южнонемецкий швабский, а в соседнем – нижненемецкий или какой-либо другой диалект. Учитывая то обстоятельство, что большинство переселенцев первой волны не владели нормами национального языка, у них не было наддиалектного языка посредника. В результате происходило смешение двух-трех и даже более диалектов, не обязательно близких по своим системным характеристикам. Таким образом формировалась новая форма наддиалектного немецкого языка, не имевшая ни кодификации, ни описания своей специфики. Становление этой формы языка следует отличать от процесса развития диалектов на фоне формирования национальных немецких языков в основном ареале. Там появлялись из нескольких рядом расположенных узколокальных диалектов практически каждого села или поселка так называемые новые диалекты, отвечающие новым потребностям общества, связанным с ростом городов и промышленности.

Наддиалектные формы немецкого языка колонистов нельзя считать ни классическими диалектами, ни новыми диалектами или региональными наречиями, скорее всего, их можно определить как говоры, или «*mundarten*». Все колониальные диалекты или говоры являлись в различной степени смешанными, поскольку в каждой колонии были переселенцы из различ-

ных мест. При этом в некоторых колониях произошло почти полное поглощение одного диалекта другим, за исключением каких-либо незначительных реликтов. В других, напротив, продукт смешения не совпадал полностью ни с одним из известных на исторической родине диалектов.

Второй особенностью немецкого языка крымских колонистов было то, что немецкие говоры вступали в активные контакты с русским языком, проникавшим через постоянное непосредственное общение с русскими соседями, что не идет ни в какое сравнение с заимствованиями, принимавшими в истории немецкого языка иногда чрезвычайно интенсивный характер.

Нередко в литературе можно встретить утверждения о влиянии литературного (национального, единого и т. п.) немецкого языка на островные диалекты. Скорее всего это делается по аналогии с процессом становления национального немецкого языка, в результате которого произошло разрушение многих диалектов. В Германии и Австрии этому способствовали канцелярии, литература, развитие городов и городской культуры и промышленности, торговля между регионами, частично церковь, там, где она перешла на немецкий язык. Почти всего этого были лишены немецкие колонии – диалектные острова в Российской империи, состоящие преимущественно из сельского населения. Общение с оставшимися на родине родственниками и друзьями сводилось в XVIII-м и начале XIX-го столетий к эпизодической переписке. Лишь с развитием прессы такая возможность появилась, однако потребность в общении на стандартном немецком языке уже исчезла [см. транскрипты аудиозаписей в работах: 1; 2; 3; 4].

Процессы, происходящие в островных диалектах, не могли не заинтересовать лингвистов, поскольку их изучение позволяло не только познакомиться с «археологическими артефактами» в виде народного творчества, передававшегося в искусственной языковой среде, но и лучше понять механизмы языкового развития современных полицентрических языков. В 1920-х годах XX века известный литературовед, профессор Петербургского университета В. М. Жирмунский на основе организованного им семинара создал Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России. Официально данный семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете [15, с. 4–5].

В течение 1926–1930 гг. вместе со своими коллегами и учениками В. М. Жирмунский провел ряд экспедиций в немецкие колонии Крыма, Ленинградской области, Украины и Закавказья. Эти экспедиции стали основой для становления и развития в России лингвистических полевых исследований и диалектографии, отработки методики и технологии аудиозаписей, получившие дальнейшее развитие в трудах его учеников [см. 11]. Еще одним поводом для организации экспедиций в немецкие поселения был интерес В. М. Жирмунского к песенному фольклору, в частности к старинным народным балладам, которые в это время еще можно было услышать из уст немцев-колонистов [15, с. 4–5]. За короткое время в немецких колониях Ленинградской и Новгородской областей, Украины, Крыма и Закавказья было собрано огромное количество ценнейших записей диалектов российских немцев и образцов их письменного и устного фольклора. В этот период В. М. Жирмунский опубликовал целый ряд работ, посвященных немецким колониям [9, 10, 22, 23, 24, 2, 26].

Детальное исследование немецких колоний Крыма началось в 1920-х годах XX века. Необходимость данных исследований была вызвана предложением известного немецкого фольклориста, профессора И. Мейера издать сборник немецких народных песен в серии издаваемых им сборников народных песен Германии. По инициативе профессора В. М. Жирмунского его ученица Эллинон Йогансон начала сбор песен немецких южнорусских колонистов. Э. Йогансон собирала материал по истории, диалектологии, этнографии и фольклору жителей обследованных 14 колоний в Крыму, старейших колоний под Симферополем и Феодосией. Экспедиции имели комплексный характер, поскольку задачу Ленинградского центра по изучению немецких поселений в России В. М. Жирмунский видел в исследовании немецких колоний «...с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии в связи с возможностями культурного самоопределения национальных меньшинств» [14].

Все процессы развития немецкого языка как средства общения немецкого населения в СССР и изучение этих процессов прервались в конце 30-х годов прошлого века. Принудительное переселение крымских немцев проходило в несколько этапов. Сначала в Орджоникидзевский (Ставропольский) край и Ростовскую область, а затем в Казахстан и в спецпоселения трудармии. Все это разрывало межличностные, семейные, хозяйственные, культурные связи.

Школы и культурные заведения больше не существовали. В результате образование и культура были разрушены. На их место пришла религия как компенсация культурно-образовательных ценностей. Больше 10% детей немецких спецпоселенцев школьного возраста в Казахстане вообще не учились, и по итогам переписи населения 1989 года немцы занимали одно из последних мест по уровню грамотности. Лишь единицы немецких детей, получивших среднее образование, могли поступить в университеты и институты после возвращения из депортации, поскольку существовали квоты для их приема. Учителям-немцам запрещалось преподавать гуманитарные предметы. Все это, вместе взятое, имело следствием сохранение старшим поколением единственного культурного наследия – фольклора – в виде народных песен, сказок, стихов. В памяти переселенцев сохранились представления о национальных костюмах и танцах. Однако после потрясений XX-го века систематизация культурного наследия немцев Крыма является важной, но трудно выполнимой задачей. До 90-х годов прошлого столетия культура немецких переселенцев и некоторых других народов, всегда населявших Крым, не была даже представлена в этнографическом музее народов Крыма. Для восполнения этого пробела требуется не только сбор сохранившихся артефактов, но и их реконструкция на основе имеющихся лингвистических данных прежде всего с помощью результатов диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского.

Список литературы

1. Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции : монография. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. 234 с.
2. Байкова О. В. Русские заимствования в языке этнических немцев Кировской области как результат лингвокультурного контактирования // *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. Us. 1. Pp. 43–60.
3. Байкова О. В., Оношко В. Н. Речь российских немцев Кировской области // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Verlag Otto Sagner. Munchen, Berlin, Washington, D. C., 2013. 90 p.
4. Бухаров В. М., Байкова О. В. Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // *Вопросы языкознания*. М. : Наука, 2016. С. 75–89.
5. БЭС: Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101826>
6. Вернер К. А. Памятная книжка Таврической губернии. Отдел П. Симферополь, 1889. С. 66–67.
7. Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России. М. : МСНК-пресс, 2005. 544 с.
8. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М. : Наука, 1983. 232 с.
9. Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // *Язык и литература*. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. Т. 3. С. 179–220.
10. Жирмунский В. М. Процессы языкового смешения в франкско-швабских говорах южной Украины // *Язык и литература*. Л. : Изд-во АН СССР, 1931. Т. VII. С. 93–109.
11. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // *Проблемы ареальных контактов и социолингвистики*. Л., 1978. С. 57–162.
12. Кащенко С. Г. Система образования и религиозные верования немецкого населения Крыма (к. XIX – н. XX в.) // *Известия Крымского республиканского краеведческого музея (ИКРКМ)*. Симферополь, 1994. № 5.
13. Кизилов М. Крымская готия. Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. 352 с.
14. Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г. : Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112.
15. Светозарова Н. Д. Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб. : Нестор-История, 2015. 142 с.
16. Топонимика Крыма 2010 : сб. статей памяти И. Л. Белянского. Симферополь : Универсум, 2010. 376 с.
17. О языках народов российской федерации. ФЗ N 1807-1.
18. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Аппарат Государственной думы. Аналитическое управление // *Аналитический вестник*. № 24. Серия «Государственное строительство и конституционные права граждан». Москва, 2010.
19. Anders A. Ch. Wahrnehmungsdialektologie: Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin ; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. 465 p.
20. Bruhl V. Die deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Aussiedlung bis zur Auswanderung. Band 1. Großburgwedel: HFDG, 2003. 554 p.
21. Moseley C. (ed.) *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing 2010. Available at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>
22. Schirmunski V. Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien // *Zur neuen Schule*. 1926. H. 7/8. Pp. 45–57.
23. Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Nawa. (1 K.). Vol. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Nawa-Gebiete // *Teuthonista*. 1926/27. Jg. 3, H. 2/3 (vom Apr. 1927). Pp. 153–165.

24. Schirmunski V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine // Teuthonista. 1928. Jg.5, H. 1. Pp. 38–60.

25. Schirmunski V. M. Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde) / Viktor Schirmunski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München : Südostdt. Kulturwerk, 1992. Pp. 16–109. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).

26. Ström A., Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Nawa // Teuthonista, Jg. 3. 1926/1927, Bd. 3, H. 1–2, S. 39–62, 153–165.

Evolution of linguistic and cultural markers of German language identity on the Crimean Peninsula

V. M. Bukharov¹, O. V. Baykova², O. N. Obukhova³

¹Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of applied linguistics and foreign languages, National Research University of the Higher School of Economics in Nizhny Novgorod.

Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: vbukharov@hse.ru

²Doctor of Philological sciences, associate professor, head of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

³PhD of Philological Sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: Obukhova.75@mail.ru

Abstract. In modern linguistic studies, special attention is paid not only to the functioning of the languages of large linguistic communities, but also there is an appeal to the languages and dialects of small nationalities, which is associated with concern about their possible loss as a result of increasing pressure of global languages serving supra-regional communication.

This paper for the first time describes the language community of the Crimean Germans, which was also subjected to language assimilation. The study of the language situation in Crimea shows that the surviving descendants of the Crimean Germans for the sake of self-preservation actually lost their German identity and practically assimilated into the South Russian ethnic group. Attempts to maintain German ethnic traditions and customs are not yet evidence of the existence of language as a functioning means of communication. To prove this, greater documentation of the history and knowledge of the German language of the region is required while opportunities still exist. Thus, the aim of this work is to analyze the German language identity from the point of view of the study of linguistic and cultural markers, namely the history of the ethnos, issues of religion, culture and the sphere of use of the native language.

It should be noted that a detailed study of the German colonies of the Crimea began on the initiative of professor V. M. Zhirmunsky in the 1920s of the XX century. All the processes of development of the German language as a means of communication of the German population in the USSR and the study of these processes were interrupted in the late 30s of the last century in connection with the forced resettlement of Crimean Germans in special settlements of the labor army. All this severed interpersonal, family, economic, cultural ties. As a result, education and culture were destroyed. In their place came religion as a compensation for cultural and educational values. All this resulted in the preservation of the older generation of the only cultural heritage-folklore in the form of folk songs, fairy tales, poems.

However, after the upheavals of the twentieth century, the systematization of the cultural heritage of the Germans of the Crimea is an important but difficult task. Until the 90s of the last century, the culture of German immigrants was not even represented in the ethnographic Museum of the peoples of the Crimea. To fill this gap it is required not only the collection of preserved artifacts, but also their reconstruction on the basis of available linguistic data, primarily through the results of dialectological expeditions V. M. Zhirmunsky.

This article may be of interest to researchers in the field of sociolinguistics, German island dialectology.

Keywords: German colonies in Crimea, religion, school, culture, language.

References

1. Bajkova O. V. *Nemeckie ostrovnye dialekty v usloviyah yazykovoj interferencii : monografiya* [German island dialects in terms of language interference : monograph]. Kirov. VyatSHU. 2009. 234 p.
2. Bajkova O. V. *Russkie zaimstvovaniya v yazyke etnicheskikh nemcev Kirovskoj oblasti kak rezul'tat lingvokul'turnogo kontaktirovaniya* [Russian borrowings in the language of ethnic Germans of the Kirov region as a result of linguistic and cultural contact] // *RussianLinguistics*. 2017. Vol. 41. No. 1. Pp. 43–60.
3. Bajkova O. V., Onoshko V. N. *Rech' rossijskih nemcev Kirovskoj oblasti* [Speech of Russian Germans of the Kirov region] // *Byulleten' foneticheskogo fonda russkogo yazyka* – Bulletin of the phonetic fund of the Russian language. Verlag Otto Sagner. München, Berlin, Washington, D.C., 2013. 90 p.
4. Buharov V. M., Bajkova O. V. *Yazyk nemeckogo nacional'nogo men'shinstva Vyatskogo regiona: status i perspektivy razvitiya* [Language of the German national minority of the Vyatka region: status and prospects of development]. M. Nauka. 2016. Pp. 75–89.

5. *BES: Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* – LED: Large encyclopedic dictionary. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101826>.
6. *Werner K. A. Pamyatnaya knizhka Tavricheskoj gubernii* [Memorable book of Taurian province]. Department P. Simferopol. 1889. Pp. 66–67.
7. *Herman A. A., Ilarionova T. S., Pleve I. R. Istoriya nemcev Rossii* [History of the Germans of Russia]. M. MSNK-press. 2005. 544 p.
8. *Domashnev A. I. Sovremennyy nemeckij yazyk v ego nacional'nyh variantah* [Modern German language in all its national variants]. M. Nauka. 1983. 232 p.
9. *Zhirmunskij V. M. Problemy kolonial'noj dialektologii* [Problems of colonial dialectology] // *Yazyk i literatura* – Language and literature. L. AS USSR. 1929. Vol. 3. Pp. 179–220.
10. *Zhirmunskij V. M. Processy yazykovogo smesheniya v franksko-shvabskih govorah yuzhnoj Ukrainy* [Processes of language mixing in Frankish-Swabian dialects of southern Ukraine]. L. AS USSR. 1931. Vol. VII. Pp. 93–109.
11. *Zinder L. R., Stroeva T. V. V. M. Zhirmunskij kak polevoj dialektolog* [V. M. Zhirmunsky as a field dialectologist] // *Problemy areal'nyh kontaktov i sociolingvistiki* – Problems of areal contacts and sociolinguistics. L. 1978. Pp. 57–162.
12. *Kashchenko S. G. Sistema obrazovaniya i religioznye verovaniya nemeckogo naseleniya Kryma (k. XIX – n. XX v.)* [The system of education and religious beliefs of the German population of Crimea (end of XIX–beg. XX century)] // *Izvestiya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya (IKRKM)* – News of Crimea Republican Museum of local lore. Simferopol. 1994, No. 5.
13. *Kizilov M. Krymskaya gotiya* [The Crimean Gothia]. Simferopol. Heritage of millennia. 2015. 352 p.
14. *Otchet V. M. Zhirmunskogo za 1926 g.: Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN* – Report of V. M. Zhirmunsky for 1926: St. Petersburg branch of the Archive of RAS. F. 1001. Inv. 2. File 112.
15. *Svetozarova N. D. German Bahman i ego kniga "Poezdka v nemeckie kolonii Berezanskogo rajona"* [Herman Bachmann and his book "Trip to the German colonies of the Berezansk district"]. SPb. Nestor-History. 2015. 142 p.
16. *Toponimika Kryma 2010 : sb. statej pamyati I. L. Belyanskogo* – Toponymy of Crimea 2010 : collection of articles in memory of I. L. Belyansky. Simferopol. Universum. 2010. 376 p.
17. *O yazykah narodov rossijskoj federacii. FZ N 1807-1* – About languages of the peoples of the Russian Federation. Federal law № 1807-1.
18. *Yazykoe mnogoobrazie Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy. Apparat Gosudarstvennoj dумы. Analiticheskoe upravlenie* – Linguistic diversity of the Russian Federation: problems and prospects. Apparatus of the state Duma. Analytical management // *Analiticheskij vestnik*, № 24. *Seriya "Gosudarstvennoe stroitel'stvo i konstitucionnye prava grazhdan"* – Analytical herald, No. 24. A series "State-building and constitutional rights of citizens". M. 2010.
19. *Anders A. Ch. Wahrnehmungsdialektologie: Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010. 465 p.
20. *Bruhl V. Die deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Aussiedlung bis zur Auswanderung. Band 1. Großburgwedel: HFDG, 2003. 554 p.*
21. *Moseley C. (ed.) Atlas of the world's languages in danger. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing 2010.* Available at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>.
22. *Schirmunski V. Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien* // *Zur neuen Schule*. 1926. H. 7/8. Pp. 45–57.
23. *Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Nawa. (1 K.). Vol. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Nawa-Gebiete* // *Teuthonista*. 1926/27. Jg. 3, No. 2/3 (vom Apr. 1927). Pp. 153–165.
24. *Schirmunski V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine* // *Teuthonista*. 1928. Jg.5, No. 1. Pp. 38–60.
25. *Schirmunski V. M. Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde)* / Viktor Schirmunski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992. Pp. 16–109. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).
26. *Ström A., Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Nawa* // *Teuthonista*, Jg. 3. 1926/1927, Bd. 3, No. 1–2, Pp. 39–62, 153–165.